

Научная статья
УДК 94 (470. 22) «1917/1991»
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.007

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ УЧАСТНИКАМИ И ОЧЕВИДЦАМИ СОБЫТИЙ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ 1930-Х — 1960-Х ГОДОВ)

Елена Юрьевна Дубровская

Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

Автором показано особое значение собранных в 1930-е — 1960-е годы как опубликованных, так и хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН) автобиографических материалов и воспоминаний о Гражданской войне и международной интервенции в Российской Карелии. Освещен процесс трансформации коллективной памяти участников и очевидцев этих драматических событий под воздействием официально конструируемого советского дискурса. Отмечена актуальность изучения исторического опыта и механизмов преломившего с годами преломления и изменения образов прошлого, «образа врага» в памяти свидетелей эпохи. Установлено происхождение использованных текстов, рассмотрена их специфика. Вместе с тем отмечено, что анализируемые воспоминания и материалы нельзя считать историческим источником исключительно личного происхождения, поскольку они неизбежно несут на себе печать того времени, когда были написаны или записаны собирателями «Рассказов о Гражданской войне в Карелии». Выявленные с помощью метода case study «живые свидетельства» прошлого позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в историко-антропологическом ракурсе.

Ключевые слова:

Российская Карелия, воспоминания, автобиографии, Гражданская война, интервенция, трансформация коллективной памяти

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания КарНЦ РАН (FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. Трансформация восприятия Гражданской войны в Карелии участниками и очевидцами событий (по воспоминаниям и автобиографическим материалам 1930-х — 1960-х годов) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 83–94. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.007.

Original article

TRANSFORMATION OF THE PERCEPTION OF THE CIVIL WAR IN KARELIA BY PARTICIPANTS AND EYEWITNESSES OF EVENTS (ACCORDING TO THE MEMOIRS AND AUTOBIOGRAPHICAL MATERIALS OF THE 1930S–1960S)

Elena Ju. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The author shows the special significance of the collected in the 1930s–1960s, both published and stored in the Scientific Archive of the Karelian Science Centre (SA KarRC RAS), autobiographical materials and memoirs about the Civil War and allied intervention in Russian Karelia. The process of transforming the collective memory of participants and eyewitnesses of these dramatic events under the influence of the officially constructed Soviet discourse was covered. The relevance of studying historical experience and mechanisms of refraction and change in images of the past, the "image of the enemy" that took place over the years in the memory of witnesses of the era was noted. The origin of the used texts was established, their specifics were considered. At the same time, it was noted that the analyzed memories and materials cannot be considered a historical source of exclusively personal origin, since they inevitably bear the seal of the time when they were written or recorded by the collectors of "Stories about the Civil War in Karelia." Identified using the case study method, the "living evidence" of the past allows you to turn to the "human dimension" of time, seeing it from a historical and anthropological perspective.

Keywords:

Russian Karelia, memoir, autobiography, Civil war, intervention, transformation of collective memory

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget as part of the state project No. FMEN-2021-0009 "Karelia in the conditions of social transformations of the XVII–XXI centuries: new approaches and interpretations" assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Ju. Transformation of the perception of the Civil War in Karelia by participants and eyewitnesses of events (according to the memoirs and autobiographical materials of the 1930s–1960s) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2023. Vol. 2, no. 4. P. 83–94. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.4.007.

Введение

В современном мире, в том числе и на постсоветском пространстве, идут десятки гражданских войн. Это актуализирует изучение исторического опыта и механизмов происходившего с годами преломления и изменения образов прошлого в социальной («коллективной») памяти свидетелей эпохи. Проблемы изучения коллективной памяти как комплекса разделяемых данным обществом мифов, традиций, верований, представлений о прошлом уже многие десятилетия привлекают внимание специалистов в различных областях гуманитарного знания. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме культурных стереотипов, символов, мифов «выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [1: 4]. Предлагаемое исследование предпринято в связи с изучением проблемы трансформации коллективной памяти жителей Российской Карелии — участников событий и современников общественно-политических перемен, которые произошли в годы Гражданской войны.

В 1918 году, на завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее Советской России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района стала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем сама оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны. Это и составляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны на территории Российской Карелии, объединявшей часть тогдашней Олонецкой и приграничные уезды Архангельской губерний.

Изучение истории Гражданской войны и интервенции на Европейском Севере России, когда шло столкновение очень разных сил и происходило становление карельской государственности, имеет давнюю традицию¹. В новейших работах специалистов, занимающихся вопросами военной антропологии и социокультурными исследованиями, рассмотрены особенности эпохи военного противостояния сограждан-земляков, соседей и даже родственников на материалах источников личного происхождения. Публикации английского историка Н. Барона, живущих в Финляндии исследователей М. Витухновской-Кауппала, А. Ю. Осипова, М. Харьюла, отечественных специалистов по истории Гражданской войны в России и Финляндии и раннесоветскому периоду российской истории В. И. Голдина, О. М. Морозовой, В. И. Мусаева, С. Н. Филимончик дают возможность увидеть во взаимосвязи социальные конфликты разного уровня и соотнести политическую историю региона с историей этносоциальной и этнокультурной².

Авторы проследили, как постепенно складывалась система органов советской власти, отразившая разнородные социальные и национальные интересы, как сказывался на общественной жизни края режим «военного коммунизма» с обременительной для населения Карелии продразверсткой, трудовой повинностью и влиянием наследия «военного коммунизма» на психологическое состояние людей.

Несмотря на отражение темы Гражданской войны в Карелии в научной литературе и творчестве карельских писателей советского периода, коллективная память о ней носит довольно путанный характер. Это касается не только памяти современников, но и памяти тех, кто был прямым участником событий тех лет. Актуальность проблемы связана и с особым методологическим инструментарием, применяемым к исследованию мемуарных текстов как наиболее массовому виду документов личного происхождения.

«Эго-документы» как уникальный источник по истории Гражданской войны

Мемуары участников и очевидцев событий являются важным историческим источником не только потому, что в яркой и живой форме повествуют о событиях переломного в истории страны времени, но и в связи с тем, что в бурные годы «военного лихолетья» различная документация велась нерегулярно, отрывочно или вовсе отсутствовала. Источниковеды отмечают особую ценность таких «эго-документов», поскольку они воспроизводят эмоционально-психологическую атмосферу военных лет, без чего невозможно понять и оценить как сами исторические события, так и действия отдельных людей или сообществ [2]. Актуальность проблемы связана и с особым методологическим инструментарием, применяемым к исследованию мемуарных текстов как наиболее массовому виду документов личного происхождения

Изучение любого исторического периода в большей или меньшей степени связано с наличием официальной версии этой истории, отраженной, например, в школьных учебниках. Для советской власти тема Гражданской войны была особенно важна, так как в этот период происходила защита ее завоеваний. Иной дискурс или версия истории, назовем его «народной», формируемая устноисторическими источниками, тоже существовал, но был менее тиражируемым. Мы обращаемся к источникам личного происхождения, какими являются воспоминания и автобиографии 1930-х — 1960-х годов, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН, или опубликованные в сборниках 1930-х — 1960-х годов.

Сбор воспоминаний проводился с начала 1920-х годов в качестве грандиозного государственного проекта по инициативе Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Он создал источниковую базу для исследования памяти о Гражданской войне и ее героях, положив начало формированию фонда «жизненных историй» рядовых участников событий первой четверти XX века. Обращение к теме памяти в контексте Гражданской войны на Русском Севере вызывает несомненный интерес тем более, что сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого [3: 65–70].

Подробный список вопросов, которому должен был следовать автор личных воспоминаний, положил начало формированию фонда «жизненных историй» рядовых участников событий первой четверти XX века. Сохранились и стенограммы вечеров воспоминаний, проведенных Карельским истпарт в начале 1930-х годов, которые передают особую атмосферу того времени. В воспоминаниях очевидцев событий обозначились яркие черты эпохи, когда разворачивали свою деятельность новые государственные учреждения Советской Карелии.

В 1930-е годы по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) под руководством Ээро Хаапалайнена, осуществлялся сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. В период революции 1918 года и гражданской войны в Финляндии Хаапалайнен был уполномоченным по внутренним делам в правительстве «красных» финнов и занимал должность главнокомандующего Красной гвардии. Став руководителем историко-революционной секции, он хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о том, что происходило в годы его тревожной молодости [4]. В частности, о «красных» национальных героях Карелии и их репрезентации в национальной памяти: уроженцах Беломорской Карелии Григории Лежоеве, Николае Ругоеве, Ристо Богданове, ухтинце Ииво Ахава — офицере российской армии, георгиевском кавалере и командире «Финского», или «Мурманского», легиона, который вместе с силами союзнической интервенции на Севере выступал против вторгшихся «белых» финнов [5: 82–98].

Благодаря сотрудникам секции в эти годы были подготовлены сотни текстов на русском и финском языках, ныне хранящихся в научном архиве Карельского научного центра РАН. Многие из этих текстов стали единственным памятником как их авторам, так и собирателям, не уцелевшим в мясорубке сталинских репрессий.

Еще одна группа источников — это обнаруженные в НА КарНЦ РАН воспоминания очевидцев, записанные в 1930-е годы фольклористами, выезжавшими в карельское приграничье, в Поморье, в частности, материалы фольклорной экспедиции А. М. Астаховой [6: 133–137]. Среди архивных

материалов экспедиционных записей они образуют раздел «Фольклор гражданской войны». Фольклорные материалы, привлекаемые в качестве источников по истории Гражданской войны в России, помогают четче осознать специфику ее протекания в разных регионах страны и объясняют те поступки и действия воюющих, о которых зачастую невозможно судить по источникам другого рода.

Разумеется, экспедиции сотрудников Института, побывавшие в 1930-х — 1950-х годах в отдаленных районах Карелии (самым известным из них был А. М. Линевский), обращались к памяти лишь одной из сторон — к победителям: бывшим «красным партизанам», красноармейцам и тем жителям приграничья, кто поддерживал советскую власть. Однако в их свидетельствах встречаются подробности, позволяющие обнаружить не только следы индоктринации сознания этой категории населения, стереотипы и клише большевистской пропаганды. Значительная часть рассказов, записанных в это время, так и не была опубликована из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Такая «память» нарушала монополию большевиков на революционизирование жителей приграничья и на чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или ей сочувствующих. Из окончательных редакций воспоминаний исключались эпизоды с погибшими финскими революционерами, как и многие «неудобные» подробности, связанные, например, с действиями «Карельского полка». Прежде всего потому, что это национальное вооруженное формирование, действовавшее в Беломорской Карелии в 1918–1919 году, было создано при помощи англичан с целью изгнания из приграничья сил интервентов, вторгшихся из Финляндии.

Воспоминания, которые в 1950–1960-е годы все же были предназначены к публикации, несут следы редакторской правки. Эти тексты сами по себе могут стать источником по истории науки и самостоятельным объектом исследования. Так, при подготовке сборника воспоминаний³, увидевшего свет в 1963 году, дала себя знать идущая из издательского опыта 1930-х — первой половины 1950-х годов распространенная практика редакционных правок и не оговариваемых в примечаниях купюр в текстах, что неизбежно вело к искажению источника. На особенность таких публикаций обратила внимание исследовательница Т. Полякова, автор англоязычной статьи «Мемуарист и Редактор: о написании истории Гражданской войны в Карелии» [7].

Соотношение официального и «народного» дискурсов можно увидеть с помощью сохранившейся редакторской правки текста, саморецензирования, а также в решениях, связанных с возможностью публикации того или иного текста.

Официальная и неофициальная версия событий Гражданской войны в Карелии

В официальной версии справедливо утверждалось, что Карелия в период Гражданской войны и военной интервенции оказалась в фокусе противостояния различных военных и политических сил. Здесь воевали отряды Красной армии и «белого» Временного правительства Северной области (ВПСО), действовавшего в Архангельске, подразделения Антанты и отряды эмигрировавших в Советскую Россию «красных финнов», созданный при помощи англичан «Карельский полк» и финские добровольческие части. Однако в учебной литературе, стремившейся к упрощению, число участников было не столь велико, и происходившее на фронтах Гражданской войны, как правило, сводилось к противостоянию «белых» и «красных»⁴. В культурную память оно и вошло прежде всего как война «красных» и «белых», что оказалось грубой, но широко распространенной интерпретационной схемой сложнейшего явления на пространстве бывшей Российской империи и многообразия социальных, политических, этнических, религиозных конфликтов на ее территории [8: 12].

Влияние официального дискурса и подобной практики сказывается и на воспоминаниях. В своем большинстве они написаны по определенным «лекалам», заданным конспектами-минимумами и вопросниками-«подсказками», которые открывали простор «героическому» мифотворчеству и отфильтровывали все «негероическое», будничное и живое. Как отметил исследователь феномена коллективной памяти уральский историк И. В. Нарский, пропаганда первых лет советской власти, повлиявшая на характер рассказов о Гражданской войне, оставалась недостаточно гибкой и велась радикально, «по-военному» [9]. Это чувствуется в анализируемых текстах воспоминаний, подготовленных для комиссии Истпарта и хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия.

Так, в воспоминаниях С. И. Леттиева 1959 года о возникшем в Ухте (совр. пос. Калевала) в 1919 году национальном Временном правительстве Архангельской Карелии (ВПАК, или Тоймикунта) оно характеризуется как «созданное с участием карелов» и «возглавляемое «белофинном Туйску», которое ничего общего не имело «с нашим трудовым народом». По свидетельству мемуариста, «белокарельское правительство» состояло из «белофиннов и карелов, переехавших жить в Финляндию», таких, как ставший крупным торговцем Пааво Ахава, и из представителей «местных кулаков и купцов»⁵. Сходные языковые клише, имеющие явно выраженный негативный смысл и ставшие одной из репрезентаций образа классового врага, выявлены у многих других мемуаристов.

В рассказах о Гражданской войне чаще встречаются повествования о долгих мучениях и гибели пленных красноармейцев от рук белых. Например, в воспоминаниях уроженца вепсского с. Бережное Шелтозеро, будущего министра финансов АКССР С. С. Ракчеева есть яркие эпизоды о расправе над попавшими в плен ранеными участниками боев в Пудожском крае, описание расстрела членов Кемского уездного совета⁶. Четко выражен сюжет, связанный с переживанием человеком времени несвободы, в повествовании о верности революции через принятие страданий в плену.

Следует учитывать, что источники личного происхождения являются гибридным жанром: это и воспоминания, но это же и письменные источники, которые создаются по законам построения нарративов⁷. На основании «Рассказов о Гражданской войне в Карелии» можно проследить, как опыт войны переводится в рассказ, как организуется и трансформируется нарратив о войне. В недавней публикации Сергея Ушакина и Алексей Голубева на эпистолярном материале исследована проблема перевода военного опыта в письмо через определенный набор сюжетов, тем, мотивов и действующих лиц. Исследователи исторической динамики жанра военного письма отмечают, что «публичные» письма фронтовиков раннесоветского периода, направленные в газеты и органы власти, «демонстрируют процесс сращивания индивидуального желания высказаться с выразительными возможностями господствующего дискурсивного режима» [10: 18].

По наблюдениям исследователей, письма становятся ценным источником, который свидетельствует о стремлении авторов этих корреспонденций превратить себя в советского военнослужащего, «способного говорить с властью на ее языке». При работе с воспоминаниями и другими так называемыми «эго-документами», или документами личного происхождения (дневниками, «письмами во власть» и подобными источниками, повествующими «о времени и о себе»), усматривается очевидная аналогия.

Если говорить о доступных нам воспоминаниях 1960-х годов, следует обратить внимание, что отраженная в них история более мозаична, включает в себя гораздо больше участников событий, чем в одобренных властью источниках. При этом анализ текстов показывает давление на мемуаристов официального дискурса. Так, документы из коллекции записей «фольклора Гражданской войны» позволяют на примере воспоминаний Н. М. Степанова, одного из участников и очевидцев Гражданской войны в карельском приграничье, увидеть, как фильтровалась, деформировалась и фрагментировалась биографическая память человека в процессе «обновления» исторической памяти поколения.

Если самые незначительные явления уже в ходе войны укладывались в объяснительную схему, состоявшую из оппозиционных понятийных пар вроде революционный — контрреволюционный или патриотический — предательский [11], то память о событиях, от исхода которых зависела жизнь людей, по прошествии времени тем более подвергалась трансформации. Отдельные ее эпизоды табуировались, приводя к «стиранию» событий, безусловно, значимых для конкретного человека, но предаваемых им забвению, коль скоро они не вписывались в уже установившуюся схему того, что и как следовало вспоминать о революции и Гражданской войне, а порой становились опасными для самого вспоминающего [12: 155–156].

В вариантах автобиографии, подготовленных в 1950-е годы по заданию комиссии Истпарта, неизменно отражены все этапы жизненного пути Н. М. Степанова. Бывший матрос Балтийского флота, член Сорокского совета и начальник штаба Красной гвардии Поморского совета сообщил о событиях своей жизни, которые к этому времени воспринимались им как неоспоримо значимые и совпадающие с официальными историческими вехами революционного прошлого страны. Это и служба на миноносце на Балтике, и приход в ряды большевиков, партийная работа в Финляндии после победы Февральской

революции, впечатление от агитационных выступлений на кораблях большевички А. М. Коллонтай, участие в установлении советской власти на родине в с. Шижня Сорокской волости и в боях против интервентов и белогвардейцев, плен и тюремное заключение в 1918–1920 году на Белом Севере.

В записанном фольклористами в 1932 году рассказе Н. М. Степанова о побеге из Кеми, где он находился в белогвардейском плену, обнаруживаются уникальные сведения о взаимоотношениях бежавших большевиков с членами ВПАК, не признававшего ни советскую власть, ни ВПСО. О них, конечно же, нет ни слова в его автобиографии 1955 года. Однако в личных свидетельствах, оставленных им в начале 1930-х годов, автор еще мог выступать творцом своих воспоминаний, без оглядки на идеологические постулаты.

Тогда Н. М. Степанов рассказывал, что он и его товарищи, бежавшие из белогвардейского лагеря для военнопленных, первоначально нашли поддержку в лице Тоймикунты и получили в Ухте ночлег. Когда же через несколько дней Тоймикунта предупредила, что «не может дать им приюта как большевикам», члены ухтинского правительства собрали «120 марок финских и 10 рублей русских на дорогу»⁸. Автору воспоминаний как уроженцу Беломорской Карелии правительство все же позволило, в отличие от его спутников, остаться в Ухте. Расставшись с товарищами, он «пошел в Тоймекунду просить хлеба», чтобы его приняли на довольствие.

Упоминаний о том, что довольствием служил паек хлеба, привозимый правительством из Финляндии, и что несколько месяцев один из организаторов советов в Карельском Поморье служил работником у члена «враждебного» советам правительства Тоймикунта Пааво Ахава, а когда «работы у хозяина не стало», Степанов согласился «быть конюхом для обслуживания Тоймекунды», в тексте воспоминаний, предназначенных для публикации, разумеется, нет. И об этом можно прочитать только в его рассказе о побеге из плена, зафиксированном собирателем фольклора А. Н. Нечаевым.

Воспоминания Н. М. Степанова и его соратников этого периода изобилуют яркими характеристиками происходившего и откровенными описаниями различных ситуаций вокруг реалий гражданского противостояния в обществе во время установления советской власти в крае. Позднее такие свидетельства не могли быть восприняты советской историографией при оформлении официальной памяти об Октябрьской революции и Гражданской войне.

В отличие от официального дискурса, семейные исторические *мемораты* — рассказы, основанные на живых воспоминаниях, которые циркулируют, передаваясь из уст в уста, внутри определенной общности, «рассказы о себе (семье) во времени» [13: 31] — более или менее свободны от влияния канонических схем, обязательных при сборе «официальных» воспоминаний. В них также присутствует мотив страданий и смерти за «народное дело», но нарратив более приближен к традиционному, отличается образностью и приметами мифологического времени. Смерть и образ смерти, угроза смерти, неизбежные в экстремальных обстоятельствах военного времени, — важнейший элемент в механизмах запоминания/воспоминания отдельных социальных групп и обществ во всех культурах и конфессиях. Наша коллега И. А. Разумова отмечает «неоднозначные, часто противоречивые и изменчивые оценки “своих” и “чужих”, которые являются реакцией на реальное разнообразие ситуаций» [14: 310].

«Неофициальный» дискурс «Рассказов о Гражданской войне», исходивший от участников или очевидцев событий, сыграл огромную роль в мифологизации и закреплении «снизу» культурной памяти о событиях «переломного» времени.

В воспоминаниях о Гражданской войне и военной интервенции в Беломорской и Олонецкой Карелии, авторами которых являются преимущественно мужчины, неоднократно встречается сюжет о «чудесном спасении» — о том, как приговоренному, уцелевшему во время расстрела, удается выбраться из-под горы трупов и скрыться. Примечательны в этом отношении написанные в 1970-х годах и хранящиеся в НА КарНЦ РАН воспоминания жителя г. Олонец Петрова «О двух дядях Петях»⁹.

Семилетним ребенком он оказался свидетелем нападения финского отряда на его родную деревню в Южной Карелии поблизости от российско-финляндской границы в конце апреля 1919 года во время печально известного «Олонецкого похода» финской добровольческой армии. Его сверстнику — односельчанину Яше пришлось на окраине Олонца увидеть расстрел семи пленных красноармейцев и среди них собственного отца Петра Васильева, чтобы вернуться домой с этим трагическим известием.

«Конечно, что было дома после этого — всем понятно», — пишет мемуарист, однако «в дядю Петю пуля не попала, он упал в яму, как и все другие, да еще, как упал, на себя свалил убитого соседа, да и это спасло от итыков... Когда все успокоилось, дядя Петя осмотрел, послушал — всё тихо, поднялся от ямы и по канаве пополз в сторону леса. Сколько и как, а добраться надо было не меньше 60 км, но он добрался, и через р. Свирь, и опять у своих. И его отправили в Ленинград на лечение чуть живого»¹⁰.

Стоит заметить, что в записях 1930–1950-х годов название бывшей российской столицы неизменно упоминается именно в этом варианте даже применительно к дореволюционному периоду, не говоря уже о раннесоветском времени.

С последующим возвращением в деревню выжившего Петра Васильева связан мотив не узнавания его собственным сыном Яковом. Того вызвали в дом Петровых, чтобы он мог подготовить мать, но *«когда он пришел к нам и увидел, что у нас сидит евонный отец, не поверил»,* поскольку *«сам видел, как его расстреляли, а тут живой».* Подобно персонажу легенд и легендарных сказок, отец Яши побывал на «том свете», поэтому не случаен и мотив «воскрешения», присутствующий в рассказе:

«помню одно — как отец давал наказ сыну: иди домой и скажи маме, что как будто я воскрес и пришел домой. Посмеетесь, поплачете вместе с мамой, а через час и я воскреснусь»¹¹.

Сюжет «чудесного спасения», в силу своего особого статуса и символической значимости, обнаруживает в воспоминаниях наибольшую устойчивость.

Образы врага: от ненависти до гротеска

В годы Гражданской войны и военной интервенции Российская Карелия оказалась территорией массового применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жестокостью. В индивидуальной и коллективной памяти людей нашли отражение их тогдашние эмоциональные реакции в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью, — страх, ненависть, переживание голода, боли, физического насилия, ностальгии по утраченному традиционному укладу жизни. Мотив мести, ставшей основой «эмоционального сообщества» комбатантов, впоследствии во многом повлиял на формирование эмоциональной культуры жителей северного края в период между мировыми войнами.

Стереотипное восприятие финнов как *мифологических врагов* присутствует в написанных в 1932 году воспоминаниях Мауранена «Деревня Тууливаара под властью белофинских бандитов» о событиях зимы 1921–1922 года в Беломорской Карелии. В рассказе возникает образ неприятеля, наделенный животными чертами, напавшего, конечно же, в полночь, повышенно семиотизированое и опасное время суток, что вполне укладывается в тенденцию дегуманизации противника.

«Это было в 12 часов ночи 26 ноября 1921 г, когда белофинны с шумом и гамом ворвались в деревню Тууливаара, крича: «Наша Карелия!». Как дикие звери, рыскали они по домам, выпаживая каждый уголок в поисках большевиков, но все старания их были напрасны, красных им найти не удалось... Пробышевав несколько дней в деревне, они поймали двух незадолго до восстания перебежавших в Карелию товарищей Киитту Хейкинен и Матвея Лейнонен, которые были убиты. В эти дни бандиты утоляли свою кровожадность»¹².

Для сторон, участвовавших в Гражданской войне, в условиях острейшего общественного противостояния было типично и разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих». На примере Беломорской Карелии можно сделать заключение о множественности памятей об этих событиях даже в среде людей, имеющих общее происхождение. Тем более, когда речь идет о тех земляках, которые глядели друг на друга через прицел винтовки. Широко используемым понятием для обозначения «классового врага» является лексема «банда», подразумевающая отождествление противников с преступниками, убийцами и вызывающая сильную негативную ассоциацию. В сборнике 1932 года целый раздел воспоминаний о событиях 1921–1922 года на Севере озаглавлен «Бандитизм в Карелии»¹³.

Однако определения такого рода использовались представителями обоих лагерей. В опубликованном М. А. Витухновской-Кауппала рассказе бежавшего в Финляндию И. Исакова о восстании в карельском с. Тивдия в мае 1919 года мемуарист повествует о том, что здесь происходило, «когда прибыл красноармейский карательный отряд из 27 человек» и «красные негодяи расположились примерно в ста саженях от деревни, ожидая приказа от жестокого комиссара» [15: 198].

Причиной восстания стала попытка провести принудительную, весьма болезненную для крестьян мобилизацию в Красную армию. Комиссар, потребовавший порядка от собравшихся на деревенском мосту и запрещавший говорить по-карельски, призывал защитить от «белых бандитов» «кровью завоеванную свободу», вступать в ряды РККА и сдавать лошадей и коров для ее нужд. В ответ он получил ранение, и восставшие крестьяне вынуждены были покинуть село, преследуемые другим посланным на выручку красноармейским отрядом из двухста человек.

«Тяжело было оставлять родную деревню в руках подонков, а вдобавок и весь скот, — вспоминал Исаков, — в переулках и рядом с рекой дымились костры. Мы видели, как красные истребляют скот, ломают и сжигают немногие предметы крестьянской мебели и все, что попадало в руки грабителей. В полдень из деревни отправили целый обоз — 30 телег с награбленным имуществом и забитым скотом... Деревня производила ужасное впечатление. Окна домов были выбиты, посуда и мало-мальски ценное, что попало в руки разбойников, было разбито... Проклятия рвались из груди, и из уст почти каждого живого существа лились ругательства разбойникам» [15: 201].

Аналогично один из мемуаристов из лагеря «красных» пишет о том, что случилось в д. Сопосваракка в Беломорской Карелии «в первые дни бандитизма» летом 1921 года:

«Бандиты вели в школе собрание, когда в деревню попал из Ухты один красноармеец. Бандиты выскочили из школы и закололи красноармейца штыками прежде, чем тот успел оказать сопротивление. Затем ограбили и труп зарыли в поле»¹⁴.

Вдохновленные официальной индоктринацией варианты повествований о событиях Гражданской войны изобилуют гиперболами. Это традиционный для культуры прием уничижения и «уничтожения» врага, имеющего «нечеловеческое» обличье и поведение. Другим приемом является смеховое снижение противника. Показателен в этом отношении фрагмент воспоминаний бойца Карельского полка («отряда») Ивана Федоровича Лежонена. Весной 1920 года «отряд» вел партизанские действия в Вокнаволоцкой волости Кемского уезда Архангельской губернии.

По словам мемуариста:

«войска белофиннов с песнями вошли в д. Каменное озеро, расположились варить кофе и кашу. А тем временем наши партизаны окружили деревню и начали атаку. Слышно было, как белофинны кричали: «Спасайтесь! У красных пулеметы!». Так кофе и каша остались недоваренными, а самим хозяевам пришлось в панике бежать. Был такой переполох среди белофиннов, что один из них, судья Аланко, бежал через деревню с оконной рамой на шее. Оказалось, он так испугался, когда началась стрельба, что ринулся было в подполье, но хозяин дома старик А. К. Лежоев его туда не пустил; тогда он с руганью, не находя дверей, выпрыгнул в окно, и оконная рама повисла у него на шее»¹⁵.

В наших материалах есть три варианта этого сюжета, который можно отнести к «историческим меморатам» или местным преданиям с условным названием «Паническое бегство противника с оконной рамой на шее». О панике в рядах противника повествует и другой боец отряда Федор Акулович Лесонен:

«Неожиданная атака наших на деревню застала белых врасплох и обратила их в бегство. Командир белых прыгнул в окно дома и унес с собой вырванную оконную раму, т.к. застрял в ней. Его примеру бегства следовала вся свора бандитов»¹⁶.

Третий вариант описания этого курьезного происшествия обнаруживаем в воспоминаниях председателя волостного совета в д. Ладвозеро Василия Ивановича Лесонена, которые были подготовлены для сборника 1932 года и носят говорящее название «С оконной рамой на шее в “Великую Финляндию”». По словам мемуариста, после того, как Карельский «отряд» занял деревню:

«бандиты бежали, сломя голову», а «судья» с оконной рамой на шее побежал дальше, освободившись от такой «трофейной» ноши только по ту сторону границы, так как последующие тщательные поиски рамы на этой стороне границы не увенчались успехом»¹⁷.

В процитированных текстах нет фантастических элементов, однако нереальность ситуации, ее комическая гиперболизация гротеска приближают воспоминания участников Гражданской войны в Северной Карелии к нарративам фольклорных жанров, осмеиваемым персонажем оказывается то финский судья (реальное лицо), то командир отряда «белых» финнов.

Заключение

Коллективная (коммуникативная и культурная) память населения Карелии о событиях Гражданской войны и международной интервенции 1918–1922 годов является интересным объектом анализа. Особо значимы «эго-документы», собранные по заданию Истпарта, как опубликованные, так и хранящиеся в НАРК и НА КарНЦ РАН. Не менее интересны воспоминания, собранные в ходе фольклорных экспедиций. Воспоминания и автобиографические материалы позволяют проследить процесс трансформации коллективной памяти современников драматических перемен в истории страны под воздействием официально конструируемого советского дискурса, выявить национально-региональные особенности коллективной памяти о Гражданской войне на Севере России. Несмотря на трафаретный во многом характер изложения, мемуарные тексты открывают уникальные возможности для исследования политических символов и политической культуры раннесоветского периода в целом, языковых клише, а также индивидуальных описаний, в которых фиксировались восприятие и оценка событий их участниками и очевидцами.

Проанализированные «эго-документы», прежде не вводившиеся в научный оборот исторических изысканий, демонстрируют на локальном материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые в 1920–1930-е годы использовались для создания этнических и этнополитических образов, а также образов «нового» времени. Однако исследуемые воспоминания и материалы автобиографий нельзя считать историческим источником исключительно личного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать того времени, когда были написаны или записаны собирателями «Рассказов о Гражданской войне» в Карельском Поморье и Заонежье, в глубинке Олонецкого края, показывают, как шел процесс мифотворчества в Карелии в раннесоветский период и в 1950-е — начале 1960-х годов, позволяют выявлять запретные или «неудобные» для официального дискурса темы.

Коммеморативный нарратив о Гражданской войне в Карелии, ставший репрезентацией вооруженного противостояния на Севере России, отразил процесс создания коллективной памяти населения края, ее противоречия и столкновения с персональным опытом отдельных участников и очевидцев событий. Их воспоминания уже не могут «представлять» видение времени из 1930–1960-х годов как «живые свидетельства» прошлого, но позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в антропологическом ракурсе.

Историческая дистанция, потеря актуальности событий для официального дискурса, как правило, способствуют трансформации коллективной памяти, появляются фигуры и события умолчания. Работа с воспоминаниями и автобиографическими материалами, в том числе хранящимися в НА КарНЦ РАН, помогает уловить эти трансформации, способствовать сохранению коллективной памяти и проведению «политики памяти», адекватной принципам, принятым в профессиональном сообществе историков.

Список сокращений

ВПАК — Временное правительство Архангельской Карелии
ВПСО — Временное правительство Северной области
НА КарНЦ РАН — Научный архив КарНЦ РАН
НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Примечания

¹ См. об этом: Богданова Г. Н. На хозяйственном фронте. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. 1918–1920. Петрозаводск: «Карелия», 1980. 191 с.; Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918–1920). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1960. С. 29–38; Шумилов М. И. Революция и Гражданская война в Карелии (1917–1920 гг.) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 342–426; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957. 255 с.; На Кимасозеро! Воспоминания бывших командиров и курсантов Интернациональной военной школы, участников лыжного рейда на Кимасозеро в 1922 г. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1948. 48 с. и др.

² Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 346 с. (Эпоха войн и революций; вып.3); Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 384 с.; Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. В пучине гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М., СПб.: Нестор-История, 2021. 352 с.; Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.; *Он же*. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август — декабрь 1918 г. Архангельск, 2021. 660 с.; Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.; Мусаев В. И. Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Интервенция на Северо-западе России 1917–1920 гг. СПб: «Наука», 1995. С. 230–236; Филимончик С. Н. Основные направления исторических исследований в Карелии (1917–2000) // Историческое краеведение в Карелии: учеб. пос. Петрозаводск: Взд-во КГПА, 2012. С. 156–160; Harjula M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki: SKS, 2006. 700 s.

³ За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. 535 с.

⁴ См., например: Интервенция на Севере в документах / ред. И. И. Минц. М.: Партийное издательство, 1933. 96 с.

⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 142. Л. 36.

⁶ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Л. 10.

⁷ Fludernik M. An Introduction to Narratology. Abingdon, New York: Routledge, 2009; Hinchman L. P., Hinchman S. K. Memory, Identity, Community. The Idea of Narrative in the Human Sciences. New York: New York University Press, 1997; Kaivola-Bregenhöj A. History bursts into story: Women's tales of war // Folklore Fellows' Network. № 37. December 2009. P. 2–17.

⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 118. Л. 345–347.

⁹ НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция (поступления 2002 г.). «О двух дядях Петях» (Воспоминания о Гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 162. Л. 3.

¹³ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л.: ГИХЛ, 1932. 224 с.

¹⁴ Коскинен Ф. «Героические» подвиги из-за угла // В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л.: ГИХЛ 1932. С. 177.

¹⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 111.

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 63.

¹⁷ Лесо В. С оконной рамой на шее в «Великую Финляндию» // В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л.: ГИХЛ 1932. С. 204–206.

Список источников

1. Репина Л. П. Историческое сознание в пространстве культуры: проблемы и перспективы исследования // *Время — История — Память. Историческое сознание в пространстве культуры* / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 3–13.
2. Смолин А. В. Воспоминания участников обороны Петрограда в 1919 г. как исторический источник. Л.: ЛОИИ АН СССР, 1997. 29 с.
3. Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск: Поморский университет, 2011. 338 с.
4. Такала И. Р. Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // *Политическая история и историография: сб. ст.* Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1996. С. 187–193.
5. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.
6. Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // *Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования*. 2014. 6(25). С. 131–140.
7. Polyakova T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований*. Вып. 1. 2016. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482> (дата обращения: 1.08.2023).
8. Колоницкий Б. И. Введение // *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России (Эпоха войн и революций; вып. 16)* / ред. Б. И. Колоницкий и др. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. С. 7–34.
9. Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223.
10. Голубев А., Ушакин С. Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки // *XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 8–21.
11. Нарский И. В. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 85–88.
12. Терещенков Л. Е. Проблема методологического наполнения подхода «историческая память» // *Актуальные проблемы общественных наук в современной России*. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2008. С. 151–159.
13. Разумова И. А. «История семьи Жидких поморского села Кандалакша» как историко-этнографический источник // *История семьи Жидких на фоне поморской культуры*. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. С. 12–32.
14. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
15. Витухновская-Кауппала М. А. Карельский крестьянин в горниле Гражданской войны 1917–1922 гг. // *Карелы российско-финского приграничья в XIX–XX вв.* / ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013. С. 172–210.

References

1. Repina L. P. Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury: problemy i perspektivy issledovaniya [Historical Consciousness in the Cultural Space: Challenges and Perspectives of Research]. *Vremja — Istorija — Pamjat'. Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury* [Time — History — Memory. Historical consciousness in the cultural space]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2007, pp. 3–13. (In Russ.).
2. Smolin A. V. *Vospominaniya uchastnikov oborony Petrograda v 1919 g. kak istoricheskij istochnik* [Memories of the participants in the defense of Petrograd in 1919 as a historical source]. Leningrad, LOII SSSR AN SSSR, 1997, 29 p. (In Russ.).
3. Troshina T. I. *Dinamika i napravlennost' social'nyh processov na Evropejskom Severe Rossii (pervaja chetvert' XX veka)* [Dynamics and orientation of social processes in the European North of Russia (the first quarter of the 20th century)]. Arhangel'sk, Pomorskiy universitet, 2011, 338 p. (In Russ.).

4. Takala I. R. Eero Haapalainen — revoljucioner, zhurnalist, uchenyj (k 115-j godovshhine so dnja rozhdenija) [Eero Haapalainen — revolutionary, journalist, scientist (on the 115th anniversary of his birth)]. *Politicheskaja istorija i istoriografija: Sbornik statej* [Political history and historiography: collection of articles]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1996, pp. 187–193. (In Russ.).
5. Dubrovskaja E. Ju. *Rossijskaja revoljucija 1917 goda i Grazhdanskaja vojna v pamjati naselenija Karelii* [he Russian Revolution of 1917 and the Civil War in memory of the population of Karelia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, 110 p. (In Russ.).
6. Dubrovskaja E. Ju. Povsednevnost' v chrezvychajnyh obstojatel'stvah: revoljucija 1917 goda, Grazhdanskaja vojna i inostrannaja intervencija v obshhej pamjati zhitelej Karelii [Daily under Extrime Circumstances: Revolution 1917, Civil War and Foreign Intervention in Common Memory of the Population of Karelia]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian studies], 2014, no. 6, vol. 25, pp. 131–140. (In Russ.).
7. Polyakova T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia. *Al'manah severoevropejskih i baltijskih issledovanij* [Almanac of Northern European and Baltic Studies], 2016, no. 1. (In Russ.) Available at: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=482> (accessed: 1.08.2023).
8. Kolonickij B. I. Vvedenie [Introduction]. *Slova i konflikty. Jazyk protivostojanija i jeskalacija grazhdanskoj vojny v Rossii* [Words and conflicts. The language of confrontation and the escalation of the civil war in Russia: collection of articles]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2022, pp. 7–34. (In Russ.).
9. Narskij I. V. Konstruirovanie mifa o grazhdanskoj vojne i osobennosti kolektivnogo zabyvanija na Urale v 1917–1922 gg. [Construction of the myth of the Civil War and the peculiarities of collective forgetting in the Urals in 1917–1922]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2004, no.2, pp. 222–223. (In Russ.).
10. Golubev A., Ushakin S. Jeks-pozicija pis'ma: o pravilah chtenija chuzhoj perepiski [Ex-position of the letter: on the rules for reading someone else's correspondence]. *XX vek: pis'ma vojny. Antologija voennoj korrespondencii* [20th century: letters of war. Anthology of Military Correspondence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 8–21. (In Russ.).
11. Narskij I. V. V «imperii» i v «nacii» pomnit chelovek: pamjat' kak social'nyj fenomen [In the "empire" and in the "nation" remembers a person: memory as a social phenomenon]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2004, no.1, pp. 85–88. (In Russ.).
12. Tereshhenkov L. E. Problema metodologicheskogo napolnenija podhoda «istoricheskaja pamjat'» [The problem of methodological filling of the "historical memory" approach]. *Aktual'nye problemy obshhestvennyh nauk v sovremennoj Rossii* [Current problems of social sciences in modern Russia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, pp. 151–159. (In Russ.).
13. Razumova I. A. «Istorija sem'i Zhidkikh pomorskogo sela Kandalaksha» kak istoriko-jetnograficheskij istochnik ["History of Zhidkikh family from Pomorsky village of Kandalaksha" as a historical and ethnographic source]. *Istorija sem'i Zhidkikh na fone pomorskoj kul'tury* [History of Zhidkikh family on the background of Pomorsky culture]. Apatity, Izd-vo KNC RAN, 2013, pp. 12–32. (In Russ.).
14. Razumova I. A. *Potaennoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija* [Secret knowledge of the modern Russian family. Genesis Folklore. History]. Moscow, Indrik, 2001, 376 p. (In Russ.).
15. Vituhnovskaja-Kauppala M. A. Karel'skij krest'janin v gornile Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg. [Karelian peasant in the crucible of the Civil War, 1917–1922]. *Karely rossijsko-finskogo prigranich'ja v XIX–XX vv.* [Karelians of the Russian-Finnish border in the XIX–XX centuries]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, pp. 172–210. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — Ph D (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 26.08.2023; принята к публикации 25.09.2022.
The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 26.08.2023; accepted for publication 25.09.2023.